

Корабельные сосны вторили ветру, упираясь в край горизонта. Продёрнутый жёлтой ряской берег речки достал из коралловой шкатулки солнце, когда я покинул уютный ресторанчик при станции. Плотно пообедав, вдохнул тугой хвойный воздух, словно возвращая себе устойчивую симметрию окружающего мира. Необыкновенно счастливыми казались вокруг предметы. Уровень погружения в изобретённую и проверенную радостность оставался неизменным. Достаточно усвоить нехитрый пустячок: по-настоящему счастлив лишь тот, кто не вникает без надобности в дела других людей.

Узкая дорожка прыгнула под ноги, приятно поскрипывал гравий, смешиваясь с тёплым песком. Я нашупал в кармане пачку сигарет, но она оказалась пустой. До поезда у меня оставалось предостаточно времени. Основной пакет документов оформлен, дела фирмы шли великолепно.

Я неспешно прогуливался вдоль обрыва поросшего можжевеловыми кустами. Упираясь в тонкошкурую синеву, дрожали в воздухе жирные цикады. Пахло прелым листом, сырьим грибным духом из тёмных проплешиц чаши.

Среди ветвей ивняка под высоким изломом неба послышалась напряжённая перебранка. Придя в необычное волнение, один из заговорщиков принял орать во всё горло, что именно он обнаружил сакральную вещь.

— Где ключ?

— Там!

— Точно?

— Точней не бывает!

— Как взять?

— Не раздумывая!

= Молодец! Умён! Ты же Ленин!

— Сигаретой не угостишь? — спросил я.

Пренебрежительно сплюнув, мужичок оглядел меня так, точно я, чужак, выкрад вселенскую тайну, при этом узкие щёлочки глаз вдруг вспыхнули, напоминая замочную скважину.

— Есть поблизости магазин?

— Иди прямо!

Через минуту он растворился в кустах так же быстро, как и появился.

И вот, наконец, после десяти минут интенсивных поисков, посреди набирающей густоту смоляных травостоеев уложки, мелькнул магазинчик. В зале повсюду красные, помеченные местечковой глашью лица. Я напористо протиснулся сквозь толпу, бросил на прилавок купюру, но продавщица царским жестом пальца похожего на стручок красного перца ткнула перед собой.

— Самый умный? В очередь!

Запах чеснока, самогона и припечённого ржаного хлеба растекался по всем углам. Суэтно, обезличенно дышала толпа. Продавщица, на синем фартуке которой было выведено чёрным фломастером имя «Катя», то и дело отсыпала жаждущих немедленно заполучить «красненькую» — рубиновый портвейн в конец очереди.

— Когда хлеб будешь давать? — слышалось со всех сторон.

Катя деловито выкладывала горкой тёплые буханки с деревянных поддонов прямо на прилавок и при этом что-то неразборчиво бубнила под нос.

Перекатывались из рук в руки последние новости. Я определил точку очерёдности в системе магазинных координат, а затем принял рассмотривать то, что трудно назвать витриной. Вперемежку со стопамиочных сорочек, рейтяз и тапочек, вёдра разной вместимости напоминали блеском каски кавалергардов.

Но во всём чувствовалась соразмерность неспешной жизни. Тишина лоснилась, а война казалась запредельным крохотным пятном на рубахе. Выбросил и забыл. Повторяемость рутинных на первый взгляд дел вроде покупки хлеба или сигарет ранит значительно болней, чем осколки. В этом заключается парадокс: попав в мирную жизнь, ты ощущаешь собственную незащищённость перед ней и тогда война, встав на пути, как ледяной торос, с новой силой всасывает тебя.

Она, война, способна изменить твой личный штрих-код!

Отдалённый тяжёлый гул сотрясал горизонт, медленно накатывал, как похмельный синдром, как звуки жестяного барабана Оскара Мацерата, когда предвоенный психоз овладевает сознанием каждого.

В то лето мы с Наташкой устроились в тени дерева у небольшого пруда, под копчёного леща поглощали пиво.

— Слышишь, как гремит?

— Это рядом.

— Может, обойдётся? — спрашивала меня Наташка, то и дело заглядывая в глаза.

Происходящее напоминало линию кардиограммы. Обнуление — смерть. Мошкова хороводом праздновала август, покусывая тонкие Наташкины лодыжки.

— Я окончательно в тебя влюбился.

— Окончательно? Смешно, — говорила Наташка, пожимая узкими плечами.

Было ветreno. В воздухе кружили души влюблённых, охраняя клочок травостоя в который умешалась сейчас наша с Наташкой судьба. Мы приросли к пруду, лоскунному небу и лапкам кроховажадной мошкеры. Я ещё рассматривал происходящее под микроскопом, увеличивая расстояние между двумя графиками функций, грохочущими миномётами и моим городом. Война казалась мне далёким и абстрактным действием.

Спустя несколько месяцев Наташкин звонок ворвался в предрассветное утро со снежной крупкой. По тому, как она брала высоко ноту, подменяя среду обитания людской речи неким клёкотом, случилось непоправимое!

— Это ужас! Началось!

Дома подыхали, глядя на меня с экрана компьютера глазами неизлечимо больного зверя.

— Мне страшно! Помоги! — выла она в трубку.

Высокий жилистый, похожий на строительный трос, мужик с большими несуразно узловатыми руками ходил по развороченному двору в одних трусах и майке всё повторял и повторял:

— Это я виноват! Из-за меня началась война! Я что-то сделал не так!

Я ощутил полное обнуление вокруг себя. Сжался до боли в скулах родной город. Жизнь мучи-

лась жаждой. Той самой, что томит мошкуру, стремящуюся защитить своё поле брани, каждый раз жаля с новой силой.

Мысль работала мерно, спокойно и уверенно. Терпеливый чемодан предлагал себя в кровники, давая понять, что способен обеспечить безопасность пути в иную виртуальную реальность.

Полупустой троллейбус принял нас двоих. Это не бегство, нет, это лёт мошкеры! Вначале не замечашь, а на второй день зуд на всём теле.

Музыка под тёплым светильником дрожит тончайшим неоном, как янтарные бокалы, округлая скань пиццы, глянец улиц и тишина подворотен. Город, где я осел, разомлев от снегопада, от белизны божьих простиныей, напоминал мне детство. Разгадать бы его живописный ряд, умильательных тонконогих барышень в джинсах и деловитых парней! Понимая, что размеренная жизнь – такая же огромная удача, как принять в кровники чемодан, я наслаждался каждой отпущенной мне минутой счастья.

Проходит время, и категория дураков, подвергая прошлое бесстрастному анализу, оживляет затянувшийся фурункулёз прежних душевых ран. Но только не я! Спазмы совести казались мне противоестественными.

Внезапно дверь магазина с шумом распахнулась, и на пороге появилась молодая коротко остриженная черноволосая женщина, обожжённая загаром, в плюшевом халате с обвисшими краями. Мягко ступая в войлочных тапочках, вошла, прижимая к груди тщательно спелёнатого ребенка. Я угадал её, вспоминая всё, от чего избавился, как мне казалось, навсегда. Я не поверил своим глазам! Каким образом Наташка попала сюда из зоны конфликта? Бежала, так же как и я?

Странно, но очередь сдалась сразу безо всякого сопротивления, расступаясь перед ней. Женщина гордо проследовала к прилавку. Продавщица всплеснула руками.

— Наташка, ты опять?

— А в чём дело?

— Ну, и когда ты перестанешь сюда ходить?

— Когда надо, — парировала покупательница.

— Ну? — тихо спросила Катя.

— Три конфетки, пожалуйста.

— А у тебя деньги есть?

Наташка пошарила в кармане плюшевого халата и протянула яркую конфетную обёртку.

— У меня только крупные. Сдача будет? — спросила она.

— Я так и знала, — выдохнула Катя в синем фартуке.

Магазин, напоминавший жалящий улей, затих.

— Три конфетки, пожалуйста, — настойчиво тыкала она в руки продавщицы мнимую купюру.

— Не дам, надоела. Иди отсюда!

— Три конфетки, пожалуйста.

— Подходите следующий, — Катя нервно метала буханку за буханкой.

Очередь налилась густым вязким любопытством. Три конфеты, как Вифлеемская звезда, плыли в воздухе дугообразными буквами перед моими глазами. Перекос ощущался в каждом жесте, не сочетаясь с гибкой симметрией её фигуры. Я шагнул навстречу. Маленькая щуплая, с раскосыми скулами она смотрела на покупателей просинью больших воздушных глаз, оцарапывая и притягивая одновременно. «Караимка, — подумал я. — Узнаёшь ли ты меня?»

Наши взгляды сошлись, но Наташка отвернулась, как от случайного прохожего, надоедливой фотографии.

— Бездушные, злые люди, — она осыпала толпу упрёками, не обращая на меня никакого внимания, — мне же маленького кормить. А если пропадёт молоко?

Три конфетки, как спасение, как последнее желание. Когда подошла моя очередь, я купил самые дорогие сладости. Катя почесала затылок, одёрнула синий лоснящийся фартук на круглом животе, затем облизнула морковные губы и осторожно спросила:

— И зачем ты её прикармливаешь? Надоела до чёртиков.

Я выхватил пакет и подошёл к Наташке. Она, неожиданно присмирев, стояла у окна, лишь покуливалась, как раненый живодёрами щенок, заботливо прижимая к груди дитя.

— Угощайся.

Такого спрессованного счастья, граничащего с безумным восторгом благодарности, мне не приходилось видеть.

— Наташа, привет, — я тихонько окликнул женщину.

Моя дублёная шкура приспособлена к любому неожиданному повороту судьбы, я ждал упрёков. Но здесь я сплоховал. Я дрогнул. Наташка меня не узнала!

Полупрозрачными пальцами прикоснулась к глянцевой упаковке так, точно боялась поверить в реальность происходящего, как вдруг ребёнок выпал из рук. Грохот накрыл присутствующих. Из пелёнок, распластавшихся на полу, выкатилась шестерёнка, отшлифованная до серебряного блеска. Сделав круг, деталь замерла, а затем, вибрируя, успокоилась. Наташка бросилась к ней и осторожно подняла.

— Маленький мой, родненький, — запричитала она. — Ты не ушибся, сыночек? А вот я сейчас поцелую мои сладкие ноженьки, рученьки. Не плачь, всё устроится, обойдётся. Скоро дома будем.

Она закончила пеленать, вновь прижала к груди выдуманного ребёнка, и покинула магазин. Очарование с облегчением вздохнула.

Дорога, единственная в этом месте, воздушным кружением вела меня в гору вдоль синей кромки леса. Наташка свернула влево и подалась к небольшому зданию, перед которым сиял изумрудный от солнечных лучей газон.

Война — гибельное состояние души, в момент наибольшей опасности проявляется некое отторжение её как таковой. Война — это затвердевшая субстанция, способная вытолкнуть из души человеческое начало, заполнив собой образовавшиеся пустоты. И вот ты уже клон самого себя.

Я мысленно попрощался с Наташкой, мне не было до неё никакого дела с момента, как я покинул прифронтовой город. Я вовремя выплеснул эту женщину вместе с войной из своей жизни. И если бы не провидение, что схватив за шиворот, тащит нас по жизни, мы бы не встретились! Она испугала меня своей чужеродностью, тугим узлом собранных воедино потерь, жёсткой стойкостью прострелянного дорожного знака.

«Психиатрическая лечебница» — сияла тщательно очерченная надпись на свежевыкрашенном здании.

Я обернулся, Наташка смотрела мне вслед, застыв, как каменная баба, у излучины дорог.

Счастье склонило. Я торопился на поезд.

— Лёт мошкарь начался! — пели прощальную цикады.